Эфемерный «киевский князь Федор»

Николай Жарких

В 14 в. летописи упоминают «киевского князя Федора». Насколько достоверны эти известия? Как оценить эту фигуру?

Данная статья посвящена выяснению этих вопросов.

Летописная «Повесть о Василии Калике»
Достоверность летописной повести
«Отрывки Бенешевича»
Густынская летопись
Выводы

Киев, 19 июня – 25 июля 2018 г.

Это - сокращенная русская версия статьи, доступнкая по адресу

www.M-Zharkikh.name/ru/History/Monographs/Essays/EphemerPrinceFedir.html

Полная украинская версия статьи доступна по адресу

www.m-zharkikh.name/uk/History/Monographs/Essays/EphemerPrinceFedir.html

Летописная «Повесть о Василии Калике»

Первое известие о «киевском князе Федоре» содержится в летописном рассказе о рукоположении Василия Калики в новгородские архиепископы (1330 – 1331 гг.). Мы будем называть ее «Повестью о Василии Калике» (ПВК). Рассмотрим сначала сохранившиеся тексты этой повести.

Новгородская 1-й летопись старшего извода

Мы должны признать, что из всего рассказа о назначении Василия архиепископом (по сути – главой Новгородской республики) в ранней записи, современной самом событии, мы имеем только начало. В полном объеме имеем его его только в поздних списках.

Софийская 1-й летопись старшего извода

Следующая по времени написания летопись, содержащая ПВК – это Софийский 1-й летопись старшего извода (С1ЛСИ), доведенная до 1418 г. Она сохранилась в двух списках 1480-х годов.

Очень подобный текст есть во 2-й выборке Новгородской Карамзинской летописи (НКЛ-2, 1428). Он ожидаемо очень близок к тексту С1ЛСИ (1418), но есть два важных отличия.

Мне кажется, что такое соотношение текстов С1ЛСИ и НКЛ-2 подтверждает гипотезу А. Г. Боброва о существовании «свода 1418 г.», от которого независимо происходят две сохранившихся летописи [*Бобров А. Г.* Новгородские летописи 15 века. – СПб.: Д. Буланин, 2001 г., с. 144 и далее].

Новгородская 1-й летопись младшего извода

Полезную для нашей темы версию ПВК дает Новгородская 1-й летопись младшего извода (Н1ЛМИ, 1446):

Начало этого варианта очевидно происходит от Н1ЛСИ. Это ничуть не удивительно, потому что в предыдущие годы Н1ЛМИ повторяет текст Н1ЛСИ. В Н1ЛМИ вовлечены также записи Н1ЛСИ за 1332 – 1345 гг., хотя они уже разбавленные новыми сообщениями, которых не было в старшем изводе. По сути с эпизода Н1М-4 начинается расхождение текстов старшего и младшего изводов, но мы можем не сомневаться, что автор Н1ЛМИ имел Н1ЛСИ примерно в том же виде, как этот последний летопись дошел до нас.

Вероятного продолжения рассказа о рукоположении Василия в Н1ЛСИ уже не было (если оно там вообще было!), поэтому от эпизода Н1М-4, кажется, использована Н4Л.

Более поздние летописи

В Ермолинский летописи (1481) [ПСРЛ, 1910 г., т. 23, с. 103] ПВК нет. В Типографском летописи (1489) ПВК дана в кардинальном сокращении.

В Софийском 3-в летописи (по списку Царского, 1508) [ПСРЛ, 1994 г., т. 39, с. 106] ожидаемо имеем повторение рассказа С1ЛСИ, с некоторыми сокращениями. Существенное разночтения только одно: вместо 50 человек князя Федора здесь написано 8 (кажется, взгляд писаря скользнул дальше, где говорится о 8 декабря как дату приезда Василия в Новгород – этой даты в С3Л нет).

Никоновская летопись

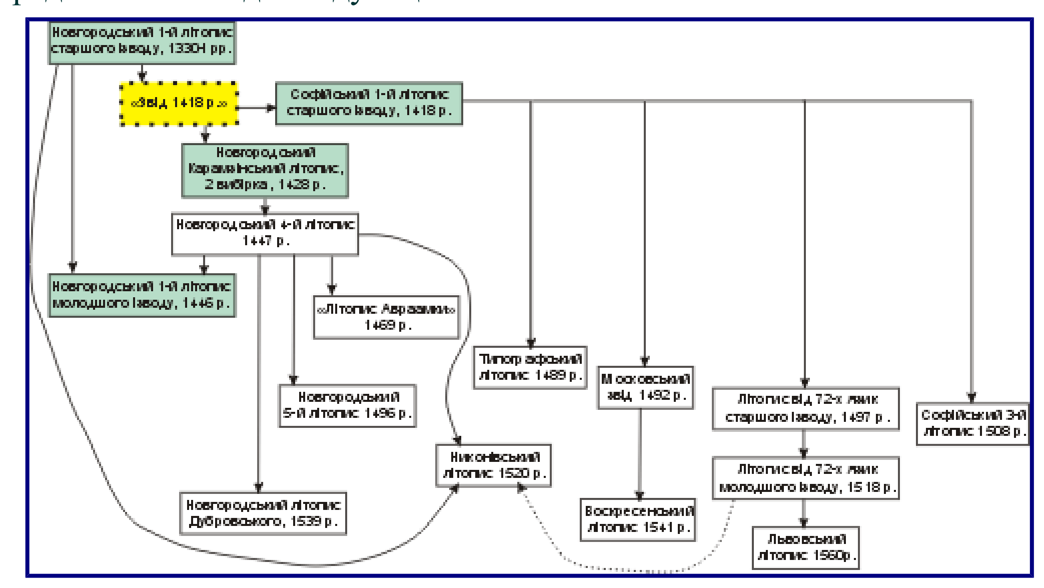
Из всех поздних летописей один только Никоновская (1520) дает другой текст ПВК.

Рассказ Никоновской летописи, хотя и выглядит более пространным, чем предыдущие, отчетливо показывает, что автор не имел никаких дополнительных сведений об этом событии, кроме известных нам летописей.

ПВК в версии НикЛ интересна только с точки зрения литературной техники автора. Новой фактической информации оно не дает.

Достоверность летописной повести

Результаты перелистывания страниц «Полного собрания русских летописей» можно представить в виде следующей стеммы:

Стемма редакций «Повести о Василии Калике»

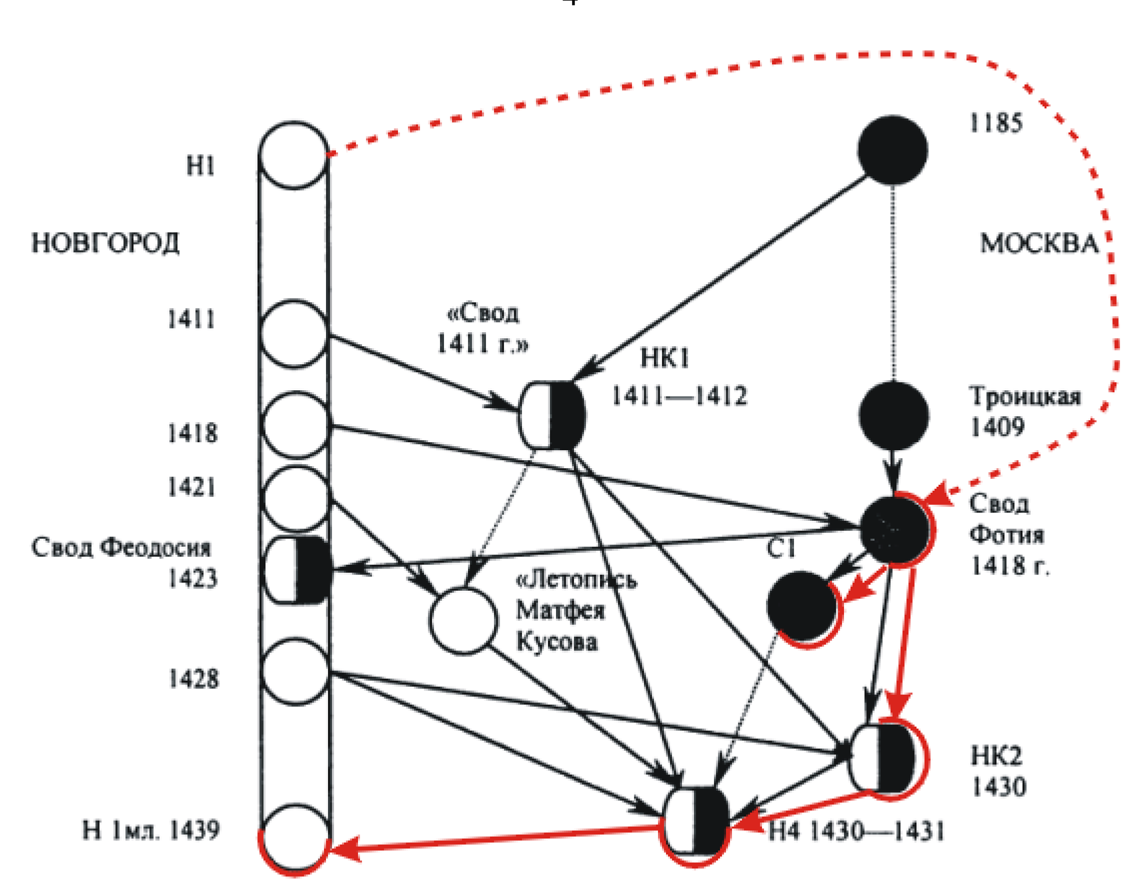
Несмотря на свою нелюбовь к «протографу», здесь я вынужден показать гипотетический «свод 1418 г.», иначе невозможно объяснить всю совокупность разногласий текста ПВК в С1ЛСИ и НКЛ-2. Зеленоватым фоном выделены варианты, которые имеют значение источников для истории текста ПВК, остальные летописи подают переработки написанного ранее.

Итак, в полном виде мы ПВК в относительно позднем тексте «свода 1418 г.», поэтому главный вопрос – можно ли считать ПВК произведением современника событий 1330 – 1331 гг. (следовательно, аутентичным историческим источником), или следует относить его создания к началу 15 в. (условно – к 1418 г., через 87 лет после событий) и считать историческим романом, написанным с использованием известных нам источников.

Имена новгородцев

Если мы посмотрим на имена спутников Василия (С1С-5) – они очень хорошо вписываются в новгородскую элиту 1 половины 14 в.

Автор ПВК дважды называет новгородцев *нашими* (С1С-16, 17). Это достаточно определенно указывает на автора-новгородца. Поэтому логичнее было бы видеть ПВК в составе древней новгородской летописи 1330-х годов. На это указывает и наша таблица. Но так не произошло, и по неизвестным нам причинам ПВК попала в Новгород кружным путем.

Путь «Повести о Василии Калике» на фоне стеммы новгородского и московского летописания 1 пол. 15 в.

Имена епископов

Большую поддержку достоверности ПВК дает один греческий документ, который хранится в Риме, в библиотеке Ватикана (коллекция греческих рукописей, № 840).

Существование и активность епископов Афанасия, Федора и Марка в нужное нам время подтверждается несколькими записями об их участии в назначении новых епископов и распределение их столов также совпадает с ПВК.

Совпадение дат и имен участников события взаимно укрепляет доверие как к ПВК, так и в греческим протокольным записям.

А где же **историография**? Ее как таковой наша узкая тема не имеет. В этом легко убедиться, просмотрев работы, посвященные «походу Гедимина на Киев». Почти каждый автор, который писал об этом «событии», на следующих страницах касался и «Повести о Василии Калике». Но подавляющее большинство ограничивалась тем, что рассказывали ее содержание и анализировали политический контекст события. Источниковедческого анализа повести, кажется, никто не делал.

Таким образом, несмотря на относительно позднее происхождение сохранившихся списков, мы можем считать «Повесть о Василии Калике» достоверным источником для описываемых событий. За широкой спиной архиепископа Василия въехал в историю и «князь Федор».

«Отрывки Бенешевича»

Изучение рукописи

Ватиканская греческая рукопись № 840 вызвала определенный интерес исследователей.

Более подробное описание рукописи дал российский ученый-византинист Владимир Николаевич Бенешевич (1914).

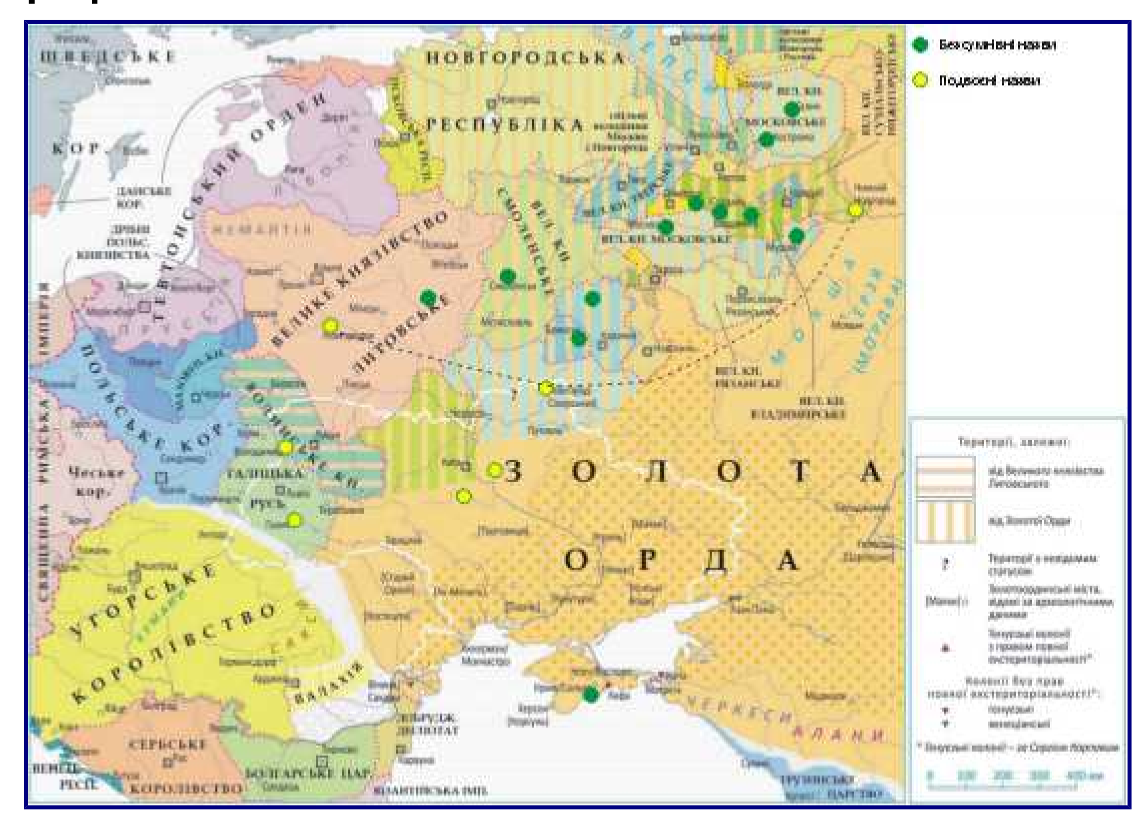
Последний, 243-й лист рукописи попал в число дополнительных листов случайно. Он содержит записи, относящиеся к русской церкви [*Бенешевич*, С. 167 – 169]. Его исследованию посвящена статья М. Приселкова и М. Фасмера [*Приселков М. Д., Фасмер М. Г.* Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви 14 века. – Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, 1916 г., т. 21, кн. 1, с. 48 – 70].

Позже внимание кодексу 840 уделил Петер Шрайнер (1975).

Отдельную статью о кодексе 840 написал Б. Л. Фонкич (2003).

Самая большая проблема, которая не может быть решена без обследования рукописи в натуре – это вопрос о датировке листа «Отрывков». Как уже отмечено, филигранями рукописи никто не занимался.

Географические названия

Географические названия «Отрывков Бенешевича»
на фоне карты восточной Европы 1341 г.

Карта предоставлена Дмитрием Вортманом, за что выражаю ему искреннюю благодарность.

«Наш» митрополит был митрополитом **московским**. Невозможно себе представить, чтобы какой-то другой митрополит разъезжал по территории, подвластной великому князю владимирскому, собирал на этой территории деньги (включая саму Москву) – и в Москве об этом ничего ни не знали, и не принимали меры.

Вместе с этим «наш» митрополит мог ездить на территорию, подвластную Великому княжеству Литовскому, и также иметь там имущественные дела, собирать денежные взносы.

Завещание митрополита Фотия

Завещание митрополита Фотия очень напоминает «Отрывки». В «Отрывках» мы видим и разъезды митрополита по вотчине (домену) великого князя, и поездки в Литву, и «другие земли» (Судак-Сугдею). Есть в «Отрывках» пожертвования для митрополита – как от князей, так и от других людей; есть жертвы в золоте, в серебре и даже в сосудах (епископ Иоанн Смоленский дал какой-то серебряный предмет).

Видим мы в «Отрывках» и помощь крестьянам (рожь на долг) – вполне может быть, что это обусловлено засухой (межениной), упомянутой в завещании.

Сбылось и опасения митрополита, что после его смерти его имущество расхватают. В «Отрывках» мы видим, что какой-то князь Дмитрий взял целый табун лошадей – до 32! Разошлись по рукам другие ценные вещи (золотой крест, драгоценный одежду).

Все эти хозяйственные хлопоты, безусловно, не были заботой одного только Фотия – можно предполагать, что они в какой степени касались каждого митрополита. Но в завещании Киприана мы ничего подобного не видим. Оставаясь на почве положительных фактов, следует признать, что Фотий ними занимался больше своих предшественников.

Имена людей

Следующим предметом для рассмотрения является **личные имена** в «Отрывках».

Среди несомненных родственников Гедимина не видим **ни одного**православного имени, и оставаясь на положительной почве, на почве фактов, должны признать, что православных среди его родственников не было.

Вывод однозначен: Гедимин из «Отрывках» – это не великий князь литовский, а какая-то другая личность.

Историография

Я представляю **дело появления «Отрывков Бенешевича»**следующим образом. Записи на этом листе велись при митрополите Фотии и предназначались именно для него, потому и писались на греческом языке.

Записи начали вестись ок. 1420 г. (14-й индикт приходился на правление Фотия только один раз – в 6929 году, от сентября 1420 до августа 1421 г.). Возможно, запись о подарке князя Михаила Друцкого сделано во время последней поездки Фотия в Литву в 1430 г.

После смерти Фотия в 1431 г. следующий митрополит Исидор появился в Москве только в 1437 г. и пытался выяснить, куда расплылось за это время имущество покойного Фотия. Так возникли записи имущества «покойного митрополита», тоже на греческом языке, потому что рассчитаны на чтение греком Исидором. Когда в 1441 году Исидор выезжал из Москвы (уже без надежды вернуться), он взял с собой архив, среди которых был и лист черновых записей – «Отрывки». В Риме Исидор занялся составлением своих бумаг, и при этом лист «Отрывков» был подшит к кодексу № 840.

Как же историки интерпретировали записи «Отрывков»?

Первую гипотезу выдвинули Приселков и Фасмер (1916).

Эта гипотеза, несмотря на свою очевидную слабость, была с энтузиазмом воспринята следующими историками (перечень работ составила Е. В. Русина [*Русина Е.В.* Псевдокиевские князья 13 – 15 ст. – В кн.: *Русина Е.В.* Исследования по истории Киева и Киевской земли. – К.: 2005 г., С. 64 – 66]).

Е. Русина выдвинула другую гипотезу, согласно которой умерший митрополит – это Максим († 1305).

Еще один вариант интерпретации отрывков предложил парижский исследователь Константин Цукерман [*Цукерман К.* Из ранней истории Литовской митрополии. – «Беларуская Падзвинне», Наваполацк, 2014 г., ч. 2, с. 147 – 148]. Справедливо отбросив митрополита Феофила как претендента на место «умершего митрополита» УБ, К. Ц. уверенно считает, что все записи «Отрывков» касаются Феогноста, и он же был тем «умершим митрополитом».

Общий вывод для историографии довольно печален: большинство исследователей предпочла идти по пути наименьшего сопротивления, некритически воспринимая один раз сформулированную гипотезу и закрывая глаза на ее слабые моменты.

Общие выводы из нашего рассмотрения «Отрывков Бенешевича» таковы:

1, не хватает объективных данных (филиграни, радиоуглеродный анализ) для датировки ватиканского кодекса № 840 и его отдельных частей, в частности, «Отрывков».

2, ни одна из выдвинутых гипотез для объяснения происхождения «Отрывков», включая мою собственную, не объясняет всей совокупности фактов, которые требуют объяснения.

3, упомянутый в «Отрывках» Гедимин не был великим князем литовским, а его брат Федор – князем киевским.

Густынская летопись

Общие сведения

Еще одно упоминание о «киевском князе Федоре» происходит из очень позднего источника – Густынской летописи 1620-х годов (ГЛ) [ПСРЛ, 1843 г., т. 2, с. 231 – 373; 2003 г., т. 40], написанной, предположительно, в Киево-Печерской лавре, возможно, Захарией Копыстенским в 1623 – 1627 годах [*Ершов А.* Когда и кто написал Густынскую летопись? – Записки научного общества им.Шевченко, 1930, т. 100, с. 205 – 211].

Чтобы лучше оценить уровень компетентности и достоверности сообщений летописи, а также определить методы работы летописца со своими источниками, я по

обыкновению состава таблицу всех эпизодов за 14 в. [ПСРЛ, 1843 г., т. 2, с. 348 – 352; 2003 г., т. 40, с. 128 – 132] и попробую установить использованные источники. При этом я буду искать источники заимствований в уже названных книгах, а дальше посмотрю, остаются известия неизвестного происхождения.

Книги, использованные при написании Густынской летописи

Сокращение в ГЛ	Полное описание издания, использованного в ГЛ	Сокращение в примечаниях	Полное описание издания, использованного в примечаниях
Кром.	De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX / [Martin Cromer]. – Basileae: 1582? Coloniae Agrippinae, 1589?	М. К.	Kronika polska Marcina Kromera. – Kraków: 1882, t. 1 – 771 s.
Гвагн.	Sarmatiae Europeae Descriptio […] Alexandi Gwagnini […] – [Kraków]: 1578 [Отдельная нумерация для каждой части]	А. Г.	-
Стрыйк.	Kronika polska, Litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi. – Drukowano w Krolewcu: u Gerzego [!]Osterbergera, 1582.	М. С.	Kronika polska… Macieja Stryjkowskiego. – Warszawa, 1846, t. 1 – 508 s.; t. 2 – 572 s.
Март. Бел.	Kronika polskaMarcina Bielskiego nowo… przez syna jego wydana. – Kraków: 1597.	И. Б.	[Бельский Йоахим]Kronika polska Marcina Bielskiego. – Sanok: K. Pollak, 1856, t. 1 – 770 s. [Как я уже имелвозможность объяснять, под этим дезориентирующую названием опубликована хроника Польши Иоахима Бельского, Мартынов сына. Название многих ввело в заблуждение, начиная от автора ГЛ и заканчивая профессиональными историками.]
		НикЛ	Никоновская летопись [ПСРЛ, 1885 г., т. 10; 1897 г., т. 11].
		Г-П	*Гваньини А.* Хроника Европейской Сарматии. – К.: 2007 г. – 1006 с.
		Лит5Л	«Литовская» 5-й летопись(Рачинского) [ПСРЛ, 1980 г., т. 35, с. 145 – 172]

Содержание Густынской летописи за 14 ст.

В колонке «Источники в ГЛ» я буду отмечать (+) – если в тексте соответствующей книги есть запись такого же содержания, как и в ГЛ; (-) – если такой записи нет, т.е. ссылка ошибочна.

В колонке «Источники по сравнению текстов» я отмечать все вхождения записей ГЛ во всех просмотренных источниках.

Таблица имеет 92 строки.

Декоративные и фактические ссылки

Проведенное сопоставление текстов показывает, что 32 библиографических ссылки автора ГЛ подтверждаются (в указанных произведениях действительно есть процитированные сюжеты), а в 16 случаях эти ссылки не подтверждаются, выступают ошибочными или декоративными. ⅓ ложных ссылок – это не так мало.

Бесспорно использована Никоновская летопись, из которого привлечено много эпизодов.

Из числа польских источников бесспорно использован Стрыйковский (ГЛ-31, 62, этих эпизодов нет в других произведениях). Несмотря на ссылки на Кромера, пожалуй, из Стрыйковского взят также эпизод ГЛ-28.

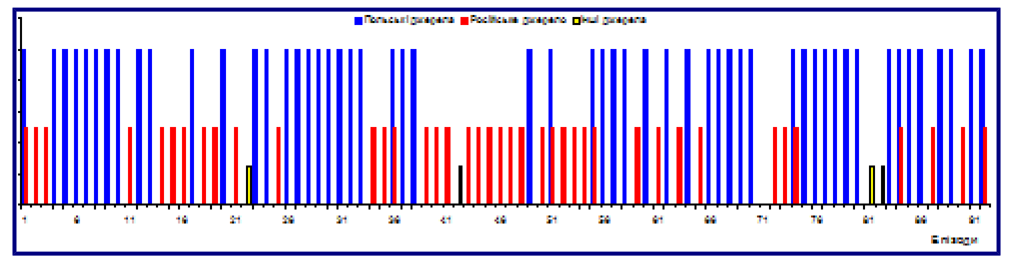
Так же уверенно можно говорить об использовании хроники И. Бельского (ГЛ-91 – и этого эпизода нет в других произведениях, возможно, также ГЛ-37, 38, 85, 89).

Методы компиляции у автора Густынской летописи

Что же можно сказать о приемах работы автора ГЛ со своими источниками?

1, он – рационалист с европейским образованием.

2, он пытался объединить в своем произведении польские и российские источники, как видно из следующей диаграммы:

Распределение источников Густынской летописи за 14 ст.

(В соответствии со стандартами НАТО польские источники, как якобы «наши», обозначено синим, а российские, как враждебные – красным.)

3, автор ГЛ упорядочивал собранные записи по хронологическому принципу. Кое-где в его хронологии имеем грубые промахи, но на уровне тех знаний, которые он имел, получалось довольно гладко.

4, автор ГЛ не просто переписывал свои источники – он отбирал некоторые известия, и отобранные известия преимущественно сильно сокращал, часто подавая словно резюме обширных рассказов источников.

5, при отборе и сокращении автор, кажется, руководствовался идеей киево-центризма.

6, в своем киево-центризме автор ГЛ не останавливался перед приписыванием реальным историческим князьям – княжения в Киеве.

7, автор ГЛ уделял большое внимание православию. Как и с киево-центризмом, и здесь не обошлось без вымыслов.

8, свое политическое credo автор ГЛ выразил в эпизоде ГЛ-71: «чтобы им никто насилия в вере не оказывал».

Повторю еще раз – эти наблюдения сделаны на ограниченном материале (только 14 в.) И требуют дальнейшего подтверждения на материале всей летописи в целом.

Попытка синтеза источников

Если в предыдущие века (до конца 12 в.) исторические события на территории современной Украины были относительно слабо связаны с историей Польши, то для 13 и там больше 14 в. ситуация изменилась. Возникало все больше эпизодов, которые освещались как из Кракова, так и из Москвы.

В таких ситуациях компилятор не мог просто чередовать вести с Запада и с Востока, а должен был как-то их согласовывать. И автор ГЛ попытался решать эти задачи, которые (с большим или меньшим успехом) продолжают решать современные историки.

В этом деле он имел как успехи, так и неудачи. Рассмотрим сначала **успехи** (13 эпизодов).

А теперь посмотрим на **неудачи** (8 эпизодов).

Кроме неудач с синтезом источников, автор ГЛ наделал немало ошибок. Часть из них перекочевала в ГЛ из источников в доброй вере к ним, а часть принадлежит самому автору ГЛ, является следствием неудачных «улучшений» (всего 14 эпизодов).

Таким образом, мы насчитали 13 эпизодов, где автор ГЛ успешно комбинировал различные доступные ему источники (и часть этих комбинаций принята в современной науке). В 8 эпизодах попытки комбинаций были неудачными, еще в 14 допущены фактические ошибки – как в доброй вере в источники, так и из-за неудачных попытки их «улучшения».

С точки зрения вклада в украинскую историографию работу автора ГЛ следует оценить высоко. Он был первым на пути синтеза источников и делал это значительно успешнее, чем его предшественники (тот же Стрыйковский). Вклад в науку

определяется тем, что дал наш автор нового по сравнению с тем, что было известно в его время (не по сравнению с современным уровнем знаний), и здесь у автора ГЛ есть неоспоримые заслуги.

Но источникового значения эта летопись не имеет, потому что все её известия взяты из известных нам источников.

Известия о «киевском князе Федоре»

Теперь, определив все источники Густынской летописи за 14 ст. и зная приемы, принятые автором для их обработки, мы можем очень легко объяснить происхождение известий о «киевском князе Федоре».

Как же образовался этот текст? Ход рассуждений автора я представляю себе следующим образом […]

Таким образом, можно не сомневаться, что рассматриваемые записи Густынской летописи за 1361 – 1362 годы является очередной (9-й по моим подсчетом) неудачной попыткой комбинации источников, известных автору ГЛ и нам – Никоновской летописи, «Литовской» летописи (предположительно, Лит5Л) и произведения А. Гваньини. Значения источника они не имеют.

Несмотря на простоту такого вывода, комбинация автора ГЛ имела огромный успех в историографии, поддержанная – вопреки очевидности! – последующими историками до нашего времени, то есть до 23 июля 2018 г. включительно. А между тем:

1, никакой «битвы на Синей Воде» Ольгерд с татарами не было.

2, конкретные время и обстоятельства перехода Подолья и Киева под власти Литвы остаются неизвестными.

3, конкретные время и обстоятельства ухода «киевского князя» Федора от власти остаются неизвестными.

4, конкретные время и обстоятельства вокняжение Владимира Ольгердовича в Киеве остаются неизвестными.

Выводы

Из анализа источников по теме можно сделать следующие выводы:

1, единственным авторитетным источником, которое сообщает о «киевском князе» Федора, выступает «Повесть о Василии Калике», написанная вскоре после самих событий, ориентировочно в 1330-х годах. Несмотря на то, что она дошла до нас в относительно поздних списках, ее подлинность несомненна.

2, «Отрывки Бенешевича», упоминая некого Федора, не называют его князем и не связывают с Киевом. Это – другое лицо, которое не имеет отношения к Федору из

«Повести о Василии Калике». Время и обстоятельства возникновения «Отрывков» не выяснены, этот вопрос требует дальнейшего изучения.

3, упоминания Густынской летописи под 1361 – 1362 годы о «князе Федора» является результатом неудачной комбинации автора ГЛ, сделанной на основании «Повести о Василии Калике» (через Никоновскую летопись), «Повести о Подольской землю» (через некую «литовскую» летопись, предположительно Лит5Л) и «Описания Европейской Сарматии» А. Гваньини. Самостоятельного источникового значения они не имеют, а только показывают (в ряду других комбинаций автора летописи) уровень киевской историографии начала 17 в.

Я называю Федора **эфемерным** князем потому, что мы о нем только одно известие, а не знаем, ни когда и как он стал «князем», ни его других деяний, ни его конца. Из того, что известие 1331 г. осталось единственным, можно думать, что его «княжение» не было длительным и территория его «власти» не была обширной. С отрядом в 50 человек даже в 14 в. много не навоюешь.

Конечно, Федор не был ни первым, ни последним из числа таких самопровозглашенных князей-атаманов на наших землях. Их мы имеем достаточно, еще больше, чем «настоящих» династических князей. Я планирую проследить несколько историй такого подъема «из грязи да в князи», но это – тема следующих статей.